

Г.С. СКОВОРОДА: ОПЫТ МЕТАФИЗИКИ СТРАНСТВОВАНИЯ

Г.С.Сковорода принадлежит к тем великим деятелям культуры, которые навсегда остаются в истории отечества не только благодаря мудрости их духовных творений, но и мудрости и праведности их подвижнической жизни.

В статье предпринимается попытка реконструкции опыта странствования у Г.С.Сковороды. При этом имеется в виду опыт не столько физического странствования, сколько метафизика внутреннего духовного опыта философа-странника. Этот метафизический контекст будет выявляться на фоне опыта реальных физических странствований Г.С.Сковороды.

Самобытность и творческая оригинальность личности Г.С.Сковороды, по мнению В.Ф.Эрна, "сделала его родоначальником русской философской мысли" [1, с.581]. От себя добавим - и украинской тоже. Тот же Эрн отмечает факт *глубокого духовного родства* между Сковородой и дальнейшей русской философской мыслью, что подтверждается наличием их общих черт и принципов. В числе основных черт выделяется *странничество*. "Сковорода первый, - свидетельствует биограф, - снимается с насиженных мест новоевропейской истории, первый устремляется в будущее, первый исходит из Египта материальной механической цивилизации и отдаётся поискам Нового, Вечного, Непреходящего..." [1, с.584]. Речь идёт не просто о внешнем странничестве, о странствиях (мандрах), а скорее о непрестанных духовных поисках Сковороды, которого ещё при жизни называли "странным человеком", что в те времена на Руси означало странствующего человека, путника, скитальца. Таким в течении 28 лет своей жизни был Сковорода. Не имея ни кола, ни двора, ни имущества, только дорожную сумку, посох, флейту да ещё "совесть - как чистый хрусталь", Сковорода отказался от блестящей церковной карьеры, чтобы не потерять самое дорогое для него - свободу. Это тот ещё нетипичный случай *внутреннего странничества*, который впоследствии был воплощён в жизненных и духовных исканиях Гоголя, Соловьёва, Достоевского. Из этой основы, считает Эрн, вытекают и другие черты духовного родства между Сковородой и последующей русской мыслью.

Другой важный принцип выдвинутый Сковородой, - это принцип *целостности*, с позиции которого он первый в новой философии начинает говорить о "целом человеке", о его целостном духе, в котором отдельные стороны души (чувства, воля, разум) становятся в гармоничную связь. Этот принцип получил всестороннее обоснование в философии И.Киреевского и В.Соловьёва.

Таким образом, метафизика странствования может быть подразделена на опыт внешнего странствования (в реальном времени и пространстве) и внутреннего странствования (путь напряжённого духовного странствования вглубь души, в поисках "внутреннего человека", внутрь себя). Эти два плана не совпадают. В юности человек больше странствует физически (или ногами) для того, чтобы постигая мир вокруг себя, раздвигать пространство собственной души. Внутренний же путь, который больше связан со зрелым возрастом и состоит в том, что человек ищет опору внутри себя, а значит в Боге. Когда человек обрёл точку опоры, он начинает источать в мир благодать, мудрость, знание или дарить бытие.

Таков путь у Г.С.Сковороды - самопознание, постижение и реализация своего "внутреннего человека", "сродности" (софийной предрасположенности к определённой форме общественно значимого труда) и дарение себя людям. Характеризуя опыт странничества Г.С.Сковороды, мы не должны забывать, что с молодых лет судьба уготовила ему беспокойный образ жизни. Достаточно вспомнить только два эпизода из его биографии тех лет. Первый - это поездка двадцатилетнего Сковороды в певческую капеллу императрицы Елизаветы Петровны; и второй - путешествие его, двадцатитрёхлетнего, в Европу с дипломатической миссией генерала Вишневого.

Первый эпизод. Когда по указу императрицы Елизаветы, "любительницы музыки и Малороссии", начали собирать в Петербурге одарённых "певческим талантом" юношей со всей Левобережной и Слободской Украины, тогда был замечен и студент Киево-Могилянской академии Григорий Сковорода, обладающий музыкальными способностями и редким прекрасным голосом. Но путь в придворную капеллу оказался тернистым. Поначалу всех отобранных певчих собрали в Глухов, город известный как столица четырёх гетманов (Ивана Скоропадского, Павла Полуботка, Даниила Апостола и Кирилла Розумовского) и культурный центр, где была открыта музыкальная школа, в которой готовились певчие для придворной капеллы. Туда же 7 сентября 1742 года прибыл и Григорий Сковорода. Здесь молодые люди проходили тщательный отбор. Из 50 претендентов по итогам первого конкурсного отбора осталось 10 человек. Сковорода - в их числе. На втором этапе конкурса, где слушали и переслушивали каждого из оставшихся "и в церковном пении и в итальянской опере" [2, с.21], выбрали 5 голосов, утвердили хористами пятерых: студентов Киево-Могилянской академии альтиста Григория Сковороду, дискантов Степана Андриевского, Каленика Данилова, Андрея Туманского и ученика Переяславского коллегіума, тоже дисканта Василия Калиновича [2, с.21]. "Глуховский след" в странствованиях молодого Сковороды отыскал неутомимый сковородовед, врач и журналист Николай Бородий. Тщательно изучив архивные документы, он доказал, что Григорий Сковорода, как и другие молодые таланты, после Глухова направился не в северную столицу (как раньше считалось), а в Москву, где уже полгода продолжались пышные торжества по поводу коронации Елизаветы Петровны, взошедшей на престол 25 ноября 1741 года. Именно в эти торжества и включились новопосвящённые хористы. Среди них и Григорий Сковорода. И только в декабре 1742 года коронованная царица Елизавета и вслед за ней - весь двор вместе с певчими придворной капеллы - выехали в Санкт-Петербург. Так что дотошный Николай Бородий, изучая малоисследованный Петербургский эпизод страннической жизни Сковороды, документально установил, что певец придворной капеллы прибыл в северную столицу не в декабре 1741 года (как это утверждалось в наших источниках до сих пор), а во второй половине декабря 1742 года.

Этот неучтённый ранее опыт Московского странствования является важной составляющей построения всего опыта его странствования. Открытие Московского периода в путешествиях Григория Сковороды с необходимостью требует его

осмысления и соответственно переосмысления Санкт-Петербургского периода его жизни. Внешне придворная жизнь хористов представлялась роскошной, благополучной, обещающей обеспеченное будущее. Но на самом деле она была не столь безоблачной и праздной, как это казалось на первый взгляд. Она жёстко регламентировалась строгим распорядком дня, ежедневными изнуряющими репетициями, безоговорочной дисциплиной подчинения. Так как хористы были заняты не только в церковном пении, но и привлекались к участию в оперных представлениях в постановке зарубежных композиторов и дирижёров, то регламентом для них предусматривалось время на изучение итальянского и французского языков и других занятий.

И всё-таки, атмосфера пышной придворной жизни таила в себе много соблазнов для двадцатилетнего юноши. Но наш герой-странник, что делает ему честь, не потерял себя и чувство аскетической *меры* в шумных придворных празднествах. По мнению В.Ф.Эрна, именно это чувство - один из лучших природных даров - заставило юношу отвернуться от искушения [1, с.370].

В целом, можно сделать вывод о том, что Московский и Петербургский эпизоды странствования Григория Сковороды заметно обогатили опыт его жизни, общения, учения. Но, с другой стороны, этот опыт выявил метафизическую направленность жизни самого философа на фоне великосветской столичной жизни, наполненной нескончаемыми увеселительными мероприятиями и интригами. Эта вынужденная поездка, по всей вероятности, стала важным шагом самоопределения Григория Сковороды. Позволим себе сделать предположение. Возможно, уже в эти годы перед ним забрезжила цель жизни, которая заключалась в построении себя для последующего дарения себя другим.

Воспользовавшись тем, что в свите придворных ему пришлось сопровождать царицу Елизавету в её поездке в Киев (1744г.), Сковорода добился "высочайшего соизволения" остаться на Родине и продолжить образование в Киево-Могилянской академии.

Несколько слов о другом эпизоде странствий Григория Сковороды времени его молодости.

В двадцатитрёхлетнем возрасте он попал в дипломатическую миссию генерала Фёдора Вишневого, которая по указу "весёлой царицы" Елизаветы направлялась в 1745г. в Венгрию (г.Токай) для организации поставок венгерских вин царскому двору. И эта жизненная ситуация была активно использована им для расширения собственных познаний.

За время службы в дипломатической миссии Григорий Сковорода, пользуясь симпатией и покровительством генерала, имел возможность совершать продолжительные поездки в различные европейские города. Биограф и близкий друг Сковороды Михаил Ковалинский писал, что в эти годы, вне рамок официальных служебных обязанностей, молодой сотрудник миссии посетил Вену, Офен (теперь Будапешт), Пресбург (теперь Братислава) и другие города Австрии, Венгрии, Словакии, где познакомился со многими учёными, жизнью, бытом, культурой народов этих стран. Хорошее знание языков (латынь, немецкий, греческий) позволило ему приобрести много новых знаний, "доставить себе знакомство и приятельство многих учёных" [3, с.645-646].

Есть свидетельства о том, что Г.С.Сковорода посещал также Италию (Венецию, Флоренцию), Германию, Польшу, слушал лекции западных университетских знаменитостей. Так что в Украину из "чужих краёв" он возвратился наполненным "учённостью, сведениями, знаниями" [1, с.375].

Однако охотно обучаясь в других странах, Григорий Сковорода самостоятельно осмысливал всё изученное и оставался самобытным человеком и мыслителем. В.Эрн в этой связи отмечал: "Сковорода никогда не превозносил за границы, никогда не воздыхал о ней, как о какой-то родине света, противопоставляемой российскому мраку" [1, с.374]. И далее: "Он не поклонялся идолам за границы и, как истинно свободный духом, учился не сгибаясь, и приобретал сведения, не преклоняясь" [1, с.375].

Особенность этой позиции Г.С.Сковороды в отношении просвещённой Европы во многом объясняется его приверженностью к основному антропологическому принципу Сократа: "Познай себя". Применительно к современной культурно-образовательной ситуации, когда наблюдается бездумное копирование западных моделей образования и, в целом, образа жизни, что в итоге приводит к потере собственной культурной самобытности, принципиально важно обращение к своеобразному опыту жизни Сковороды, который был уникальным даже на фоне богатого западно-европейского культурного наследия. Спросим же себя: был бы Сковорода Сковородою, если бы он попал в сети мира? Думается, что и нам следует поразмышлять об этом, если мы хотим сохранить себя, своё культурное "Я".

Вступив на путь странничества, Г.С.Сковорода, безусловно задумывался о цели свободно избранного им образа жизни. Вопреки мнениям обывателей, считающих, что его жизнь была лёгкой и праздной, сам странник возражал: правда в том, что эта "праздность тяжелее гор кавказских" [1, с.444]. Тем самым Сковорода даёт понять, что свободная жизнь не только желанна для него, но и тяжесть, которую не каждый человек в состоянии нести. Тяжесть страннической жизни Сковороды не ограничивалась трудностями и лишениями, связанными с его бытовой неустроенностью (безбытностью), аскетизмом его повседневной жизни, хотя, признаем, что и это само по себе свидетельствовало о силе его духа. Внешний аскетизм его странничества был только выражением и дополнением более глубокого внутреннего аскетизма, постоянного внутреннего борения, духовного поиска, душевной напряжённости, сосредоточенности, самоуглубления (достаточно вспомнить выработанную им годами привычку вставать в полночь для молитв и размышлений, в результате чего у него наступали периоды особого духовного подъёма, творческого вдохновения, экстаза).

Главной целью пустынножительства Сковороды была душа человека. Он побуждал и призывал людей не ограничиваться только миром материальных забот, не погружать своё сердце только в море телесных надобностей. Такая жизнь выхолащивает человеческое в человеке, односторонне деформирует его внутренний мир в сторону узкого круга материальных интересов. Поэтому основная забота человека, по мысли Сковороды, это его душа. Все наши потери, беды, бедность от того, что мы не имеем времени "*вникнуть внутрь себя, очистить и поврачевать самую госпожу тела нашего - душу нашу*". Не всем ли сим мы изобильны? Точно всем и всяким добром телесным, совсем телега, по пословице, кроме колёс, - *одной только души нашей не имеем*. Есть правда в нас и душа, но *такая, какие у шкорбутика или подагрика ноги...* Она в нас расслаблена, грустна, своенравна, боязлива, завистлива, жадна, ничем не довольна, сама на себя гневна, тощая, бледная, точно пациент из лазарета..."[1, с.444]. И далее Сковорода напоминает опыт мудрости древних подвижников духа:

"Не забудьте себя среди изобилий ваших..."; "Не хлебом единым жив будет человек" [1, с.444].

Итак, Г.С.Сковорода призывает найти и не потерять в себе человека. Каждый обязан заботиться о построении, сохранении, преумножении достоинств своей души, об устранении недостатков собственного духа, стремиться очищать свою душу, подвергать её катарсису, совершенствовать свои душевные качества. Поступая таким образом, человек сохраняет человеческое в самом себе и задаёт образцы поведения другим людям: "выбирая себя, я выбираю человека вообще" /Ж.П.Сартр/.

Г.С.Сковорода принадлежал к числу странников, называемых в народе старцами, старчиками. Он и сам себя не без гордости называл "старцем". В этой связи В.Эрн приводит показательный диалог, относящийся к начальному периоду хождений нашего странника (1766г.) : "На вопрос: что же ты хочешь век остаться бродягой, Сковорода отвечает: Бродягой - нет. *Я странствую*, как и все, и старцем навсегда останусь. Этот сан как раз по мне" [1, с.435]. Ясно, что в это время, имея за плечами 44 года, странник-Сковорода стариком ещё не был. Значит, старец - это не физический возраст, а скорее - показатель возраста духовной зрелости.

В то время на Украине "старчество" имело значительное распространение, старцы пользовались большим уважением у простого народа как люди бывалые, умудрённые жизненным опытом. Старцы имели свой профессиональный цех и этим тоже отличались от обыкновенных нищих, жebraков. В решении сложных жизненных вопросов люди полагались на суд старцев, которых впоследствии назовут "бродячими судьями мира" [1, с.439].

Таким образом, старец - это категория не физическая, а духовная, нравственная, это характеристика духовного авторитета. Основная функция старца - духовное воспитание, духовное водительство, "врачевание и целительство души посредством морального наставления" [4, с.151].

Эту функцию выполнял и Г.С.Сковорода, так как был человеком не только бывалым, но и высокообразованным, культурным (философ, теолог, стихотворец, музыкант, певчий), человеком в высшей степени интересным для общения. Олицетворением и символом культуры для него стала Библия, с которой он никогда не расставался. Не случайно, В.Эрн впоследствии напишет: "Эта Библия говорит о том, что высшая степень *опрощения* соединялась в Сковороде с высшей степенью *культурности*". Уходя в нищенствующую жизнь, он не отказался таким образом ни от своих позиций, ни от той высшей культуры, которую вкусил благодаря своему же неустанному труду" [1, с.441].

Отрешившись от мира, выбрав жизнь странническую, аскетическую, Сковорода оказался неимущим и нередко жил в крайней бедности. Ему приходилось принимать самые необходимые материальные благодеяния от друзей и почитателей его таланта. Многие из них удивлялись его чудаческой жизни, но любили и поддерживали его. Что же мог предложить им взамен Сковорода? Чем он мог одарить своих благодетелей? Он мог одарить их только духовно. Он учил их детей, оказывал духовную поддержку взрослым, развлекал их рассказами и музыкой. Достаточно напомнить, что Сковорода был музыкально одарённым, играл на скрипке, флейте, бандуре, гусях, сам сочинял духовные концерты и музыку для песен. Его музыка, по оценке М.И.Ковалинского, "преисполнена простотой, но ...проницающей и пленительной гармонией" [3, с.674]. Музыкальный дар Сковороды, впрочем, как и другие его таланты, были всегда востребованы и приносили радость людям. Перевес его духовных благодеяний был настолько велик, что народная молва приписывала особенное Божие благословение тому дому, в котором старец поселялся хоть на несколько дней [1, с.443]. Сковорода щедро делился со всеми встреченными им людьми своим богатым метафизическим и, в целом, духовным опытом, накопленным за годы учёбы и, особенно, за годы его пустынножительства.

Основным метафизическим итогом странствований Г.Сковороды является его духовное богатство, которое предназначалось для дарения другим. В этом дарении проявляется особенность его православного отношения к миру. Сложившийся в православной культуре архетип дарения актуализируется в наше время, время диктата рациональных, материальных, утилитарных ценностей. Таким образом, говоря об онтологической роли дарения, А.С.Панарин замечает, что «дарение имеет и мистическо-космическое значение стяжания благодати, и значение приращения социального капитала, взаимного доверия и взаимного обязательства между людьми» [5, с.81]. В нынешнее время, когда осуществляется перестройка всего нашего общества по западным шаблонам, включая отношения между людьми, мы обязаны помнить христианский гуманизм с его координатами, а значит ориентацией на ближнего, ярким представителем которого является Г.С.Сковорода.

Литература

1. Владимир Эрн. Г.Сковорода. Жизнь и учение // Эрн В. Борьба за Логос. Г.Сковорода. Жизнь и учение - Мн.: Харвест, М: АСТ, 2000. - 333-589
2. Владимир Стадниченко. Сладкая ссылка с горьким привкусом // Зеркало недели. - №18(393) 18 мая 2002г.
3. М.И.Ковалинский. Жизнь Григория Сковороды // Сковорода Г.С. Сочинения. - Мн.: Современный литератор, 1999. - с.642-699.
4. Русская и европейская философия: пути схождения. Часть 1. Коллективная монография. Научный издательский центр "Кафедра" (СПб), 1997. - с.79-152.
5. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М.: Алгоритм, 2002. – 496 с.